
ПОЭЗИЯ

Геннадий Иванов
(г. Москва)

PERSONALIA

* * *

Опять в России в храмах многолюдно.
Гонений нет и дикости былой...
А все равно *воцерковиться* трудно.
И тут не виноват ни Сталин злой,
И ни Хрущев, взорвавший сотни храмов...
А не пускают, видимо, грехи.
И в этом наша слабость, наша драма.
Живем в стихиях разной чепухи.

Без храма христиане мы плохие.
Пора кончать крутиться и болтать...
Преодолеть лукавые стихии –
На якорь в храме православном встать!

БАЛЬМОНТ

1. Ранний

Любитель солнечных девизов,
Он в мир бросал рулады слов.
И что ни слово — миру вызов
И сотрясение основ.

О, Бальмонт — весь кинжально-броский,
Такой космический, матросский,
Такой возвышенно беспечный,
Надземный и надчеловечный...

Любитель солнечных девизов,
Он прыгал, кажется, с карнизов...
Поэта влек далекий гул —
И шар земной он обогнул.

Он *Бальмонт* был — все в этом звуке:
И блеск, и вызов, и игра,
И артистические руки,
И пламенные вечера...

2. Поздний

Он Бальмонт был, но Иванова
Я нахожу в нем, и Петрова,
И Сидорова нахожу —
И очень этим дорожу.

За всем разгулом декаданса
В нем был отеческий простор,
Печаль уездного романа,
Живой, сердечный разговор.

Был декаданс как испытанье —
Чтоб оторвался от корней.
Но он преодолел метанья
И всей душой запел о ней,

О ней, о родине, России,
О ней, о русской стороне!
Поэт он подлинно всесильный!
И таковым он близок мне.

В ГОСТЯХ У БАЛЬМОНТА

Светлане Сырневой

В Гумнищах нет уже гумнища.
И Бальмонта усадьбы нет.
А есть ее лишь пепелище
И тот же самый Божий свет.

А это главное — деревья,
Ручьи, поля да озерки.
Да те же бедные деревни,
Где доживают старики...

Здесь вырос Бальмонт, очень странный
Для русских пажитей поэт.
Романтик был он неустанный,
Везде он видел Солнца свет.

Из будней он творил легенду,
И о себе творил он миф.
И соответствовал он *бренду* —
Велеречив, многолюбив...

А в общем, при спокойном взгляде,—
Он добрый русский был поэт.
И с Пушкиным в одном отряде
Он воевал за Божий свет.

ТРЕХСТИШИЯ ЯПОНСКОГО МОНАХА

Не образуется облако без дыхания ветра.
Не приходит и грусть ни от чего —
Только от моих грехов.

* * *

Сижу в келие и читаю.
Сегодня я не пошел в гости,
Ибо это вредно — часто покидать келию.

* * *

Провожу ночь в молитвах —
И душа обретает утешение...
Сколько лет я спал в неведении.

* * *

Ленивый монах много претерпит вреда.
А если будет упорствовать в нраве своем,
То сбросит и одежду монашескую.

* * *

Снова в горах зима.
Ласточки все улетели.
Только ангелы кружат и сыплют снег.

* * *

Сколько появилось богатых кругом.
Но как они невежественны.
Хорошо богатеть кротостью и любовью.

* * *

Беги от искушения терпением и молитвой.
Вся остальная борьба только распаляет его,
И оно сильнее нападает.

* * *

В чашечке цветка дремлет шмель.
Его уже обессмертил великий Басе.
А до него его уже обессмертил Господь.

ДЕРЕВЬЯ

Люблю когда в деревне среднерусской,
Где ветлы, клены, липы, тополя,
Увижу вдруг сосну. Она деревне
Такую *романтичность* придает...

Люблю, когда в деревне среднерусской,
Где ветлы, клены, липы, тополя,
Увижу дуб, да если еще старый, —
Деревне он *былинность* придает.

В одном селе я кипарис увидел.
Он выглядел у нас вполне пришельцем.
Селу он придавал, так скажем, *южность*
И некий фантастический сюжет...

А впрочем, все деревья навевают
В деревне что-то. Мы не замечаем,
Привыкли к ним. Но все они прекрасны.
Все липы, клены, ветлы, тополя...

Но я заметил, что они прекрасны,
Когда тут жизнь, когда живут здесь люди...
Тогда деревья — это словно песни
Над крышами родимых деревень.

* * *

Больше в армию некого брать в этом тихом краю.
Молодежи не видно вокруг.
Все погибли в жестоком, неравном бою...
Потому зарастают кустами и пашня и луг.

Этот бой длился долго — десятки мучительных лет.
Власть боролась с народом, она победила народ.
Вот поэтому здесь никого, никого больше нет.
И не факт, что тут снова родимый затеплится род.

* * *

Архиепископ Мир Ликийских,
Святой угодник Николай,
Спасай людей в полях российских
И в городах спасай!

Ты видишь сам все обстоянье
Упадка, гибели, тоски...
К России прояви вниманье,
Ведь были мы тебе близки

Во все века, твои иконы
Ты видел сам в любой избе...
Сегодня слышишь наши стоны? —
Кому помочь как не тебе.

Молись о нас, святой заступник,
Прости за отступление нас...
Народ — отчаявшийся путник,
Нет сил идти на этот раз.

Он весь забит и измордован,
Не знает он куда идти...
Он словно бы навеки скован.
Спаси нас и открой пути.

Архиепископ Мир Ликийских,
Святой угодник Николай,
Спасай людей в полях российских
И в городах спасай!

* * *

По жизни, как из окружения,—
Порой, побитые, бредем...
Идем в свое расположение.
А где оно, мы не найдем...

Порой тошнит, как в шторм от качки,
И трудно жить, и трудно жить...
Ни водка с пивом, ни шпикачки
Тоску не могут отменить.

Все это, видно, испытанья.
Души проверка. Надо ждать.
Переживающим страданья
Господь дарует благодать.

* * *

Плескучий дождь по крыше льет в ночи.
По желобам вода стекает в бочки.
А по душе — тоски текут ручьи,
И лишь тоскливые приходят строчки.

В окошке темень поля и реки,
Свет фонаря и призрачный и зыбкий.
Я не хочу тоски — хочу строки,
Ведущей к свету, к радости, к улыбке.

Хочу строки — спасительной такой ...
Но не приходят строки по заказу.
Вот и кручусь, и маюсь я тоской.
И где я подхватил ее заразу?

СРОСТКИ

Сростки. Солнце. Гора Пикет.
Свет от берез желтейший.
И от писателя — тоже свет,
Ласковый и мудрейший.

Осень стоит как итог, венец...
Что же у нас в итоге?
Василий Макарович, вы молодец!
Кланяюсь в ноги.

Вы богатырь, и совесть, и свет,
И утешенье России.
В итоге — снова у нас много бед,
Но с нами Шукшин Василий.

В итоге — снова ложь и позор,
И бедность опять в итоге.
Опять на Руси процветает вор,
А люди тщедушны, убоги.

Василий Макарович, как без вас?
Без вашего слова?
Вот прочитаю я ваш рассказ —
И хочется жить мне снова.

Хотя кругом ничто не бодрит,
В народе тоска все круче...
Шукшин горой за нас постоит,
Пикетом своим могучим.

НА ВЕЧЕРЕ «АЛТАЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ» В МОСКВЕ

Приехали алтайские писатели.
Но не приехал нынче Башунов.
И не найдут его нигде искатели
Среди земных дорог и берегов...

Тут нет нигде его прищуря строгого,
Усмешечки сибирской с хитрецей.
Не выйдет он ни из какого логова
И не тряхнет отросшей бородой.

Стихи остались?
Да, стихи остались.
Но сам-то он не хуже был стихов...
Мы на небесном встретимся Алтае:
«Ау, Володя! — крикну — Башунов!»

В ИРКУТСКЕ

Что мне Колчак? Пожалуй, ничего.
Вот памятник ему, вот крест на месте,
Где труп его под лед спустили дружно.
Вот монастырь, где молятся о нем.

Сюда приходят, приезжают люди...
К легенде, может быть: мол, адмирал
Мог повернуть историю России...
Не повернул. И мог ли повернуть?

Все дело в жертвенности. На Руси у нас
Всего превыше жертва за святое.
Борис и Глеб — начало всех начал.
Сама Россия — жертва за святое.

Что мне Колчак... Но вот стою, стою
Не берегу реки быстротекущей
И думаю об этом человеке:
Как смерть он принял здесь, на Ангаре.

Все дело в жертвенности. На Руси у нас
Всего превыше жертва за святое...

А жертвы за святое — мужики,
Колчаковцы которых убивали?
И вырезали звезды на груди...
Пожалуй, жертвы. Жертвы за святое.

Как много было жертв тогда, в те годы,
На многих русских реках и везде...
Они, быть может, были не напрасны.
По крайней мере, думается так.

НА РОЖДЕСТВО

Все не так идет, как в мыслях.
Наяву
Уклоняюсь я от света во тьму.
Снова, снова я на помощь зову:
Спригвозди всего меня страху Твоему!

*Сохрани меня от слова и от дела душестного,
Вразуми и просвети!*
Снег летит на купол храма древнего.
Снег — лети!

Нынче в храм людей приходит множество.
Тоже — торопись.
Снег — лети! Пой хор! В России Божеской
Еще можно грешному спастись!

ВОЗРАЖЕНИЕ

*В моей стране так мало света,
Царят в ней деньги и чины.
В моей стране мечта Поэта —
Наестся вдоволь ветчины.*

Николай Зиновьев

Как много света — выйди в поле!
Какая дивная страна!
Не унижай поэтов, Коля.
Зачем поэту ветчина?

Ему Катулл, ему Конфуций,
Ему божественные сны.
Поэту *мало конституций!*..
Ну что ему до ветчины.

Поэты ходят по фуршетам
И по банкетам, но всегда
На них не по себе поэтам —
Еда она и есть еда.

ВОСХИЩЕНИЕ

*Я прощаю вас, люди!..
Простите меня.
Если путь у вас труден,
Отдам вам коня.*

Магомед Ахмедов

Прослышал я, что друг мой Магомед
Людей спасает от забот и бед.
И если у кого-то путь тяжел,
Отдаст коня, чтобы пешком не шел.

Какой ты добрый, щедрый, Магомед!
Я б так не смог. Коня к тому же нет.
А у тебя ведь тоже нет коня...
Но ты щедрее все-таки меня.

О МИРЕ

*Я устал от тоски. Я не сплю.
Я стою у окна. Замерзаю.
Боже мой! Как я мир не люблю,
Как устройство его презираю!*

Михаил Анищенко

Этого мира осталось, быть может, на годы,
Не на столетья осталось лесов и полей,
Птиц распевających, в сердце поэта свободы...
Не проклинай этот мир, а его пожалей.

Что, Михаил, мы о мире воистину знаем?
Мы в этом мире пичужки, песок и трава...
Мы о нем знаем немного, хоть много страдаем.
Выстрадай душу, а все остальное — слова.

В ПЮХТИЦАХ

Монашки сами пашут-сеют,
И скотный двор у них большой,
Дрова сложить шатром умеют...
И все-то с радостной душой.

В монастыре и за калиткой
Они возвышенно живут:
Везде с Иисусовой молитвой,
Стихиры чудные поют...

Кругом леса, кругом озера,
И тишина со всех сторон.
Плывет из храма голос хора
На православный небосклон.

Юрий Лукаш
(г. Богородицк)

ПУСТЬ ПОДОЖДУТ МЕНЯ ИЗДАЛЕКА

* * *

Пусть подождут меня издалека
Косые ливни и раскаты грома,
И отчий дом, и тихая река,
И две березы стройные у дома,

Родные дали скошенных полей,
Где воют ветры темными ночами,
Где в сентябре с высоких тополей
Мое село обругано грачами.

А на горе колдуют ветряки,
По небу тучи гонят лопастями,
Хотя ночные звезды высоки,
Нагнись и в луже собирай горстями.

Вернусь ли я? Наверное, вернусь,
Туда, где ливни и раскаты грома,
Где по былому затаилась грусть
В пустых глазницах брошенного дома.

Сниму фуражку, встану на крыльцо.
Душа замрет, страдая от волнений,
И злобный ветер бросит мне в лицо
Немой упрек — опавший лист осенний.

* * *

...А в темноту телеги простучат
И увезут потом нас электрички.
С обжитых мест мы двинемся опять
В далекий край, аж к черту на кулички.

В пути, глаза в темное окно,
Мы будем долго изучать планету.
За что же так судьбою решено —
Всю жизнь скитаться и бродить по свету?

В каком краю начало всех начал,
А неудачи ходят стороною?
А может, здесь последний наш причал,
Под этой тусклой русскою звездою?

И мы спешим от дальних рубежей,
Нас гонят голод, нищета и смута.
Подвинься, Русь, и принимай бомжей,
И дай нам всем покоя и приюта.

* * *

В моем ты сердце, Родина моя,
Твои поля, восходы и закаты,
Крик петухов и трели соловья,
Больная мать с клюкою возле хаты,

Просторный выгон и деревьев ряд,
Заросший двор и ветхая ограда,
Да постаревший одичавший сад
И у крылечка грозди винограда.

Вернулся я, а прошлое ушло.
Лишь те же звезды светят надо мною,
И все вокруг объято тишиною,
Да спит в садах любимое село.

Пройдусь, уставший, по родным местам.
Кому нужны непрошенные гости?
И от тоски по прожитым годам
Я обожгусь слезою на погосте...

* * *

Прошедших дней забытые черты
Заходят в сны непрошено, неожиданно,
И круговерть житейской суеты
Не успокоит мне былую рану.

Она болит, она во мне живет,
Тревожит душу длинными ночами.
Она порою в прошлое завет,
Не уходя, стоит перед очами.

Все в этой жизни мудро и хитро.
Нас все волнует: встречи, расставанья.
А иногда, как финкой под ребро,
Вдруг саданет опять воспоминанье...

С далеким прошлым не порвется связь.
Хоть в памяти всплывает временами,
Оно в покое не оставит нас,
Оно навечно остается с нами...

* * *

Опять в селе. Здесь много проще,
Ушли заботы стороной.
Здесь иногда вовсю полощет
Веселый дождик проливной.

Вокруг спокойно и безлюдно.
Хожу по ягоды, грибы
И больше в жизни ниоткуда
Не жду подарков от судьбы.

Вот рядом птица прокричала,
И я спешу, спешу за ней,
И растерял свои печали
В лесной дремоте теплых дней.

Заросшей старою тропею
Бреду несмело наугад.
Закружит скоро надо мною
Хмельные вальсы листопад.

И на душе легко и просто,
И добрых чувств не удержать.
Вот так всегда; приедешь в гости
И... неохота уезжать...

* * *

Воскресный день. Звонят колокола.
Над куполами желтый лист кружится.
И ты идешь, оставив все дела,
В святую церковь Богу помолиться.

За все, что в этой жизни совершил,
За все, что было и что будет тоже.
Жил без законов, много нагрешил —
Помолишься: «Прости меня, о Боже!»

А вот когда замолишь все грехи,
Отгаешь сердцем и душой отгаешь,
Ты «Отче наш», как легкие стихи,
Моля пощады, лживо прочитаешь.

Я не грешил и в церковь не спешу,
Хоть медный звон и слышу за стеною,
И ничего у Бога не прошу,
Ведь мой Всевышний был всегда со мною.

Грачиный грай и звон колоколов.
И ветер гонит, гонит листья эти.
И я всегда прийти сюда готов
Благодарить, что жив на белом свете.

Константин Струков
(г. Тула)

НОЧЬЮ ДОЖДЬ ШЕЛ ЯРО, ЗЛО

* * *

Ночью дождь шел яро, зло.
А сейчас — погода!
Солнце из-за туч взошло,
Ощутив свободу!
Солнце в глянце луж, в окне.
В утреннем паренье,
Как в нахлынувшей волне —
Нашем настроении.
И, как будто накреньясь
Над небесным сводом,
Дуга-радуга зажглась
От луча свободы.

Старичок мне подмигнул —
Незнакомый вовсе.
Школьник ранец подтянул
И затопал возле.
Громко зазвенел трамвай,
Стеклами сверкая.
Изумрудная листва
Весело кивает.
Дворник мне рукой махнул,
Что-то замурлыкал.
Постовой мне козырнул
С нежною улыбкой.
Пестрый выводок спешит —
Шумный детский садик.
Окружили малыши —
Я прошу пощады.
Стану няней, хоть на миг,
И смешно краснеет
Воспитательница их —
Солнечная фея.
Жмурюсь в ярких красках стен,
Безупречно стройных.

Нахожусь в жилой черте
Наших новостроек.
Я в небесной высоте.
Вот он, покоритель
Вылитых из солнца стен,
Свет мой друг, строитель!
Пыль стирает, руку жмет
Весело и браво.
И беседу заведет
О новейших кранах...
И услышу в прозе слов
Колорит творенья,
И поэзию стихов
В вихре вдохновения.
Полон света я и горд,
Что нигде не лишний.
Этот день, как целый год
Быстротечной жизни.
Радуюсь, что в город мой
День вошел всецело.
Мне под радугой-дугой
До всего есть дело.

* * *

Кому-то ведь
 достанется она,
Такая юная, наивная такая...
И ею насладится он сполна,
Ее капризам детским потакая.

Добычей для него очередной
Она в тот вечер неизбежно станет.
Уж лучше оставаться ей одной,
Ведь с ним, лукавым, жизнь свою сломает.

Смотрю в такие ясные глаза
Я им, пугливым, почему-то верю.
Ну неужели ей уйти нельзя,
Взять и покинуть,
 громко хлопнув дверью?

Нет, видно предначертано судьбой
Отведать ей и дикую влюбленность,
И отношений грязь, и страх, и боль,
Паденье и немую отрешенность.

Она ему достанется. И пусть...
Во все века невинность совершала
Паденье в пропасть. А в глазах лишь грусть,
Смирненное предчувствие финала.

* * *

Поверь, незнакомка, тебе не идет
Твой вид, независимый, бесцеремонный.
И черных бровей вопросительный взлет,
И ветреной женщины взгляд отрешенный.

Совсем не идет жест наигранный твой,
Когда сигаретку сосешь ты манерно,
И пепел стрясаешь небрежной рукой,
Как будто все мысли в тебе эфемерны.

И пиво беспечно цедишь из горла,
Развязно хохочешь с изысканным матом...
Наверное, ты по-детски горда,
Что рядом такие крутые ребята.

А я с сожаленьем смотрю на тебя —
Ты, в сущности, глупый ребенок.
И знаешь...
Ты хочешь свободы... Но душу губя,
Себя самое в суматохе теряешь.

* * *

Я вас люблю — всего три слова
И я их повторяю вновь.
А вы не верите и снова
Твердите: хватит про любовь!
Ах, сколько слов! Ну, право, хватит.
Мы это слышали сто раз!
Ведь любит тот, кто много платит,
А что там, в кошельке, у вас?..
А я в ответ:
причем тут деньги?
Пожар любви горит во мне.
Когда я с вами — с упоеньем
Внимаю вашей болтовне...
Ловлю я с замираньем сердца
Ваш каждый взгляд и каждый жест.
Без вас все как-то тускло, серо —
Совсем не радостный сюжет.
А вы мне снова: хватит, право!
Наверно, затащить в постель
Меня хотите...
Все отравя,
И жизнь — сплошная карусель!

...И вы ушли, легко как пава.
А я, униженный и злой,
Вдруг понял — вы и есть отравя,
Ведь столько желчи в вас самой!

Раиса Носова
(г. Тула)

ПИСЬМО В ДЕТСТВО

Пишу я письмо на Дальний Восток —
С подругою детства не виделась долго.
Пришли мне багульника лепесток
И желтого кедра седые иголки!

Пришли мне привет от родной стороны:
Приглашенье от звонких сугробов,
Сияние буйной таежной весны
И память о верности, дружбе до «гроба»

Пришли мне неба ночного синь,
И звезд ворожбу до головокруженья.
Летние ночи и зимнюю стынь...
Весенней молодости брожение!

Напомни речки живой говорок.
Ты пишешь: совсем река обмелела,
На берег другой через бывший порог
Идешь без боязни по камням белым?!

Плесни в меня озера холодком,
Где в детстве раков с тобой ловили;
А осенью — под тонким ледком —
Мы за игрою мальков следили.

Ты пишешь, что раков в помине нет,
А сельским девочкам и мальчишкам
О дикой прелести милых мест
Приходится узнавать по книжкам.

Мне жаль, что поляна, где прыгал мяч,
Застроена клубом и сельсоветом;
А дом, где звенели и смех, и плач,
Тоже снесен под строительство это.

Живу я давно на чужой стороне.
Этот край стал мне тоже близким.
Но тот... любимый, живет во мне
Независимо от прописки.

ОМУТОК

Из далекого далека,
Из глубокой старины
Посмотрел дремучим оком
Омуток из-за сосны.

Потянуло томной жутью
Из зеленой глубины.
Может быть, над этой мутью
Колдовали колдуны?

Или, может, местный леший
Здесь с русалкой воду пил,
И, любовью душу теша,
Взгляд свой жадный утопил.

В городском чаду сгорая,
Эту сладостную жуть,
Как слезу земного рая,
Вспомню я когда-нибудь.

БАСНЯ

Нитка с иголкой дружили давно,
Не мыслили жизнь друг без друга,
Искусно сшивали вдвоем полотно,
И было им до поры все равно,
Кто — господин, кто — прислуга.

Наперсток усердно иголку толкал
И втайне завидовал дружбе.
Ехидно однажды иголке сказал:
Ты рвешься у нитки на службе.

Поскольку иголка тупой не была,
Задумалась сильно иголка:
Наверное, я неразумной слыла,
Коль нитку таскала без толка.

Пойду-ка пошью я без нитки, одна,
Скорее могу повернуться.
Такая помощница мне не нужна,
Доколе за мной ей тянуться.

Вертелась иголка и эдак, и так,
Не шила, а просто плясала,
Наперсток наш тоже старался, чудак,
Старались, а толку-то мало!

Устала игла от пустого труда,
Была хоть и ловкой, и прыткой.
Ведь мудрость глаголет: иголка
Нужна всегда обязательно с ниткой.

* * *

О, сколько слов исповедальных
Услышал я.
О тех годах, ушедших, дальних,
Мои друзья!
Все, что осталось за порогом
Вчерашних дней,
Мы отдаем на милость Бога
И суд людей.
Полны мы суетных желаний,
Полны тревог,
Надежд и разочарований,
Но с нами БОГ!
Когда исполнен упований
Ты на него,
Избегнешь страхов и страданий
Из ничего.
Он утешитель и надежда
В людской судьбе.
К нему приходишь неизбежно.
Он — путь к себе.

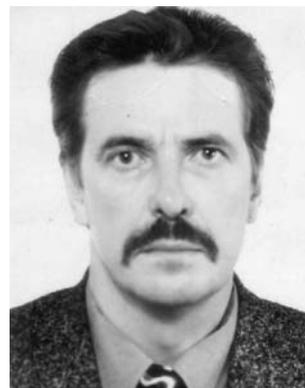
ДРУЗЬЯ ПОЭТА

Поэту дорого сочувствие людей
И слову отозвавшееся сердце.
И радостью и мукою своей
Оно дает ему согреться
Теплом, что он кого-то одарил,
Отдав, быть может, слишком дорогое.
А, может быть, кого-то укорил
Печалью одинокого изгоя.

* * *

Где вы, ушедшие кумиры?..
Перед любовью никните от страха.
У ног моих лежит полмира,
А вы остались горсткой праха!

Игорь Боронин
(г. Тула)

КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНИЕ

Сколько раз себе я клялся,
Что стихов писать не буду!
Но за рифмой вновь гонялся
И искал ее повсюду.

Рифмы! Словно наважденье!
Столько лет кружат во мне.
И, наверно, преступленье —
Жечь их в пламенном огне.

За окном стена из снега,
И опять в душе томление...
РИФМЫ, словно хлопья с неба,
Вводят в КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНИЕ.

ЗОЛОТЫЕ ПЯТАКИ НА АСФАЛЬТЕ

Золотые пятаки на асфальте —
Поздней осени подаяние,
Словно щедрый купец на паперти,
Разбросал в знак покаяния.

Но деньгами не откупишься,
Дождь и ветер все злато сметет.
Срок придет, и опять очутишься
Там, где злая метель поет.

Где мороз до костей пробирает,
За грехи ниспослав наказания,
Снегом белым всю грязь закрывает,
В знак принятия покаяния.

Череда, нам природой данная:
Мысль, поступок, потом раскаяние,
Как весна, потом лето желанное,
Слезы осени, пурги завывание.

Удержать сладкий миг как?
Скажи мне! Бесплезно пропить: «Подайте!»
Свой черед у природы и жизни...
Золотые пятаки на асфальте.

ВЕСНА

Опять весна ворвалась чрез ненастье
И вместе с солнцем и теплом
Вновь подарила ощущение счастья,
Которое уж ходит за окном.

Дел нерешенных остается ворох,
Проблемы жизни, просто суета.
Но в воздухе звучит чуть слышный шорох –
То легкой поступью вернулась Красота.

И краски грязные меняются неспешно,
На смену им приходит разноцветье дней.
Да и в душе, застуженной и грешной,
Растаять лед торопится скорей.

И шубы-рясы на женщинах пропали,
Коротким юбкам место уступив,
А ножки каблукками по асфальту застучали,
И музыкой весны в ушах звучит мотив.

Хочу, чтобы с зимой ушли невзгоды
И снова ярко захотелось жить,
В душе исчезла непогода,
Чтоб все могли смеяться и любить!

ЭТО КОМУ-ТО НАДО?

«Если на небе зажигаются звезды,
Это значит кому-то надо»,
Просто необходимо, чтобы
Свет лился звездного взгляда.

Вечной загадкой к себе манят,
Сквозь пустоты безбрежность.
Светят, зовут, счастье сулят,
В душу вселяя надежду.

Но ведь горели они и пылали,
Многие сотни веков.
Раньше живущим надежду вселяли,
Часто лишая их снов.

Мы, как они, обращаемся к небу:
«Где ты, моя звезда?»
Но отдаем предпочтение хлебу,
Нужен ведь он всегда.

А звезды мерцают холодным светом,
Через парсеки свет льется,
Нищим, богатым, влюбленным, поэтам,
Поровну всем достается.

Даже по звездам люди гадают,
Смысл находя в звезд соцветии...
Но человек срок прожив, умирает...
Звезды другим уже светят.

Звезды холодные, звезды бескрайние,
Души наши влечете
И маячками своими сигнальными
Сквозь пустоту зовете.

Так для чего зажигаются звезды?
Кому это все-таки надо?
Пустые, холодные, глупые грезы —
Этот свет звездного взгляда!

ТУЛА

Башни кремлевские, стены точеные —
В них моей Родины слезы соленые.
Крепко стоишь ты, хоть долюшка гнула,
Не про Москву это, в сердце лишь Тула.

Орды Мамая на плесах Непрядвы,
Все ж не сумев поломать русской правды,
Воинов павших своих оставляли,
Копья сложив, на восток убегали.

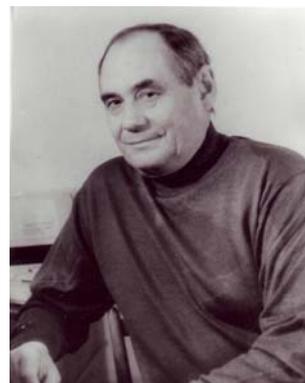
С запада ветер фашисткой чумою.
И снова Тула закрыла собою
Сердце России, которой нет краше,
Все то, что дорого — Родину нашу.

Земли под Тулой пропитаны кровью,
Речки, озера наполнены болью.
Чтобы Россия свободно жила,
Тула всегда в ополчении была.

Тула сражалась, Тула ковала,
Боеготовность страны создавала,
Пряники сладкие Тула лепила,
Чай с самовара пузатого пила.

Видел красоты на Сахалине,
Много проехал, бывал и в Берлине.
Только обратно к себе все тянула
Золотоглавая старая Тула.

Владимир Родионов
(г. Узловая)

РОДНЫЕ ДАЛИ

1

Необъятна из окошка
Хлябь Российская и твердь,
Вот прогнулся дикой кошкой
Перелесок, чтоб лететь

Нам навстречу, с косогора.
А за ним, внизу, смотри:
Из тумана выплыл город
И его монастыри.

Тормозим и вылезаем,
А в сознание пронеслось:
«Что давно ты не хозяин,
А сегодня и не гость

Этим дедовым просторам
И отцовским берегам».
И не ясно: хорошо нам
Или плохо стало нам.

Что нас выгнало из дома:
Холод, голод, не уют?
Край знакомо — незнакомый
Малой Родиной зовут.

2

Побреду тропой заросшею,
Встречу во поле ручей,
Где нащупывал подошвою
В перекатах пескарей.

И нанизывал на нитку —
Мимо жабер спичку в рот,

Как серебряные слитки
Чешуи коловорот.

А с полей необозримых,
Как хозяин, а не вор,
Суслик свистом торопливым
Слал нам, видимо, укор.

Просквозило безвозвратно
Временное полотно,
И другие пацанята
Крутят старое кино.

Ну, а нас: седых и лысых,
Бородатых, без бород
Память девочкой капризной
Снова в прошлое ведет.

* * *

Повалил с березы лист —
Золотые пятна,
Просыпайся, шевелись —
Ждут в лесу опята!

В дизель-поезде пустом
В чудаки запишут:
«Иней белым языком
Давно травы лижет».

Грибники ж такой народ,
Движимый азартом,
Чуют: водят хоровод
Поздние опята.

Просквозив холодный бор,
Обогнув болотце,
Выбегают на бугор —
Там солнышко пасется.

Елки – палки: лес пустой,
Ну, а тут — бугрище
Весь от шляпок золотой,
Поехали! Поищем!

* * *

Химия, химия! Ты ж нахимичила,
Что обезрыбел ручей.
Нас, ребяташек, здесь мучил обычно
Клев сорванцов — пескарей.

Мы ж, начитавшись, прикормки заранее
В несколько дней провели,
Но помахав нам хвостом «до свидания»,
Мчались, как тень, голавли.

Пахло с полей и навозом, и хлебом,
(Запахи эти и ныне люблю).
В чистой воде отраженное небо
Нам обещало по журавлю.

Любовка, Любовка-речка-ручей,
С ряской, с приколотой лилией,
Съели твоих голавлей, пескарей
Канализация с химией.

Мимо проходим — воротим носы,
Прячем глаза от вонючей утробины.
Некому больше спугнуть стрекозы
В малой речонке моей малой Родины.
Тульщина. Любовка, речка-ручей...

* * *

Третий день второй недели февраля,
Почернели руки-ноги у враля.

Он метели с завирухою сулил.
Не хватило у бедняги, видно, сил.

От испарины промок он и продрог.
Маловато на дороге пары ног.

Месим крошева скрипучего слюду.
Расползаемся коровою на льду,

И ругаем бестолкового враля —
Третий день второй недели февраля.

ТВОИ УСТАЛЫЕ ГЛАЗА

И боль уже ушла, и гнев уже иссяк,
Обида умерла — не дуйте губы.
И мирит нас пустяк, и ссорит нас пустяк,
И скалит нам вослед гнилые губы.

А мы-то, чудаки, не ведаем о том,
Пока с тобой твой ангел и хранитель,
Что ты всего лишь шут в домашнем шапито,
Ну а она — единственный твой зритель.

Что молодость прошла — заметим невзначай,
Когда уже процесс необратимый
Влил ясный холодок и терпкую печаль
В усталые глаза твоей любимой.

Анатолий Миронов
(г. Щекино)

ОЙ, СТОРОНКА ТЫ РОДНАЯ

* * *

Ой, сторонка ты родная,
Утро юности моей!
Для меня на свете края
Нет дороже и милей.
Светло-синий бор сосновый,
Мой привет тебе, привет!
Мы идем вдвоем...

и снова

Мне как будто двадцать лет.
Всюду птички перезвоны:
И вблизи и вдалеке.
Пой,
Люби,
Дыши озоном
И барахтайся в Оке.
Только солнце заискрится
Утром в росах на лугу,
А туристам уж не спится:
Все — на окском берегу.
Погляди: и солнце радо,
Что вокруг любовь и май,
Что оно лучистым взглядом
Озаряет этот край.
Мой любимый край сосновый
Счастья моего рассвет,
Я опять с тобой...

и снова

Мне как будто двадцать лет.

Я ПОЕДУ

Я поеду скоро, скоро
В дорогой мой край родной
Подышать сосновым бором

Титану слова всех времен.
Сюда не только вся Россия —
Весь мир приходит на поклон.

ЗДРАВСТВУЙ!

Вот и снова, снова лето.
Я приветствую зарю.
«Здравствуй!» — говорю рассвету.
«Здравствуй!» — солнцу говорю.
Я стою на перекрестке
У бегущего ручья:
«Здравствуйте, мои березки,
Мои добрые друзья!»
«Погляди-ка, погляди-ка, —
Мое сердце мне твердит, —
Как пунцовая гвоздика
Пятнами в траве горит!»
Лучшие свои подарки
Дарит мне зеленый луг:
Тысячи ромашек ярких,
Тысячи своих подруг.
Мне дороже год от года
Речки, рощи и поля.
Здравствуй, жизнь моя — природа.
Здравствуй, Небо и Земля!

* * *

Когда влюблен, то по-иному
Ты ощущаешь все вокруг:
И тропку к берегу крутому,
И весь в цветах зеленый луг —
И все готов ты взять в объятья,
Во всем достигнуть высоты.
И свет любви и благодати
Так остро ощущаешь ты.
Сирень, душистая и свежая,
Нам посылает свой привет.
А ты, мой друг, такая ж нежная,
Как и сиреневый букет.
Твой облик и простой и милый.
Улыбка на твоих устах.
Откуда же такая сила
В твоих лазоревых глазах?
Она меня пьянит и манит,
Пьянит и манит разум мой.
И я, как будто бы в тумане,
Иду повсюду за тобой.

Геннадий Ошурков
(г. Новомосковск)

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Ночью небо колосось на части,
А к утру прохунилось дождем —
Видно, знало, что мы, словно счастья,
Животворного дождика ждем.

А в деревне в такую погоду,
Когда в поле ногой не ступить,
Носят в кадки студеную воду
И торопятся бани топить...

Я вязанку сосновых дровишек
Вынес в сетку грибного дождя.
Из конторы отец — вижу — вышел
И маячит, чтоб я подождал.

Будто тонну, согнувшись, тащил он,
И смятенье плескало из глаз.
— Из района, сынок, сообщили:
Ночью немцы напали на нас.

Ты ступай-ка, согрей мне водицы
Да скорее пришли сюда мать.
Через пару часов нам явиться
Всем приказано в военкомат...

Женским плачем уже голосила
Деревушка.
Не знала она,
Велика ль посягнувшая сила,
Но жестока любая война.

Свежих веток на мокрой березе
Я на веник отцу наломал,
А что день этот очень серьезен,
Я, по малости, не понимал.

«.. Мы разведем вражеские тучи,
Разметим преграды на пути,
И врагу от смерти неминучей,
От своей могилы не уйти...»

Я горланил эту песню, глядя
Как ползет из бани сизый дым.
Я не знал, что немцы топчут «пяди»,
Те, которых мы «не отдадим».

СТАРЫЙ ДОМ

Мой старый дом, куда успел ты деться?
Кто память о тебе похоронил?
А я-то думал, что картины детства
Ты для меня навеки сохранил.

Вот здесь глядело узкое окошко,
За ним была железная кровать,
С работы тяжелой тесною дорожкой
Я приходил исправно ночевать.

Мы каждый вечер здесь трудились рьяно
До мига угасания зари —
Казнили злые полчища бурьяна
И превращали в клумбы пустыри;

Мы мастерили во дворе скворешни,
Мы пели под гармошку за столом.
Тогда казалось: дом наш будет вечным
И в старости расскажет о былом.

Но я пришел уже к другому дому,
Громаден он — столичному под стать,
Его-то крышу пацану любому
Уж никакою палкой не достать.

И нет стола, и нету той дорожки,
Что мы мостили битым кирпичом;
И нету Петьки с Тульской гармошкой,
Висящей неизменно за плечом.

Я шляпу снял, стою как на погосте,
И по щеке торопится слеза.
А новый дом, не приглашая в гости,
Надменно пялит на меня глаза.

* * *

Он черным был, тот ломтик хлеба,
Лепился глиной на зубах,
Но запах от него — до неба!
Весь мир, казалось, им пропах.

Буханку сам директор резал,
Ломти укладывал в лоток.
Нам даже вид того железа
Выдавливал слюны глоток.

Издавека, от поворота
Он долго двигался до нас.
Завороженно, полорого
Глядел на хлеб притихший класс.

Дежурный шел между рядами,
Как строгий ротный старшина,
И хлебным запахом над нами
Висела в классе тишина.

Назад пустой, без хлебной горки
Лоток дежурный уносил.
И даже всем желанной корки
Никто ни разу не спросил.

А если кто-то по болезни
В постель домашнюю залег,
По школьным правилам железным
Ему домой несли паек...

Испили мы полыни горькой.
Уж близок вечности причал,
Но ломтика из этой горки
Я слаще в жизни не встречал.

Иван Прасолов

(г. Щекино)

У МОГИЛЫ ОТЦА

Это место давно
Я искал *без* конца,
А теперь вот стою
У могилы отца.

Чувство скорби излить
Мне никто не мешал,
Только ветер листвою
Потихоньку шуршал.

Смертью храбрых он пал
В рукопашном бою
И лежит с той поры
В сталинградском краю.

Много раз говорю
Я спасибо тому,
Кто цветы приносил
На могилу к нему.

Кто приходит сюда
Память павших почтить,
Кто труда не жалел
Деревца посадить...

Легче каменный свод
На плечах удержать,
Чем сыновью слезу
В это время сдержать.

С горькой думой своей
Я к могиле припал
И что думал сказать —
Все отцу я сказал.

* * *

Ведь вот как в жизни водится,
Ведь вот что значит жизнь:
Гора с горой не сходится,
А мы с тобой сошлись.

Запомнилось событие,
Когда я совершил
Счастливое открытие
Бесхитростной души.

Во мне, Твое сиятельство,
Разгорячило кровь,
И в этом обстоятельстве
Прихлынула любовь...

Ах, красота душевная!
Для всех она нужна,
Как музыка напевная,
Как солнце, как весна.

Ведь вот как в жизни водится,
Ведь вот что значит жизнь:
Гора с горой не сходится,
А мы с тобой сошлись.

* * *

Пережито в прошлом, ох как много!
Трудно знать,
Что дальше жизнь сулит.
Но не потерял я веру в Бога,
Верую, как сердце мне велит.

Вера эта
С детства в наши души
С материнским молоком влилась,
И ее в нас не могла нарушить
Даже сверхкарающая власть!

* * *

Мы все надеемся на Бога.
Наверно, так должно и быть.
Но Бог один, а нас ведь много
Легко ль ему всех ублажить?

Бог создал душу, создал тело —
На свете, радуясь, живи.
Как жить? —
Твое уж это дело!..
Душою только не криви.

* * *

Все кажется мне — жив родитель мой,
О смерти его мысль я не приемлю.
Я думаю: отброшен он волной
На ту необитаемую землю,

Где ни луна, ни солнце не встают,
Где хороводы девушки не водят...
Домой оттуда письма не идут
И поезда оттуда не приходят.

Отцом и восхищаясь, и гордясь,
Всю жизнь фашистов проклиная гневно,
Держу с ним через сердце свое связь
С сорок второго года неизменно.

* * *

Я из детства ушел втихомолку,
Не отбыв в нем положенный срок:
Пас буренок, плел чуни, кошелки
Зарабатывал хлеба кусок.

Мастерил и другие я штуки,
И рыбачил, и плотничал, и,
Взяв снабженье едой в свои руки,
Заменял я кормильца семьи.

Надо выжить во что бы ни стало,
Все увидеть, что ждет впереди...
И мы выжили мало-помалу,
И себя все сумели найти!

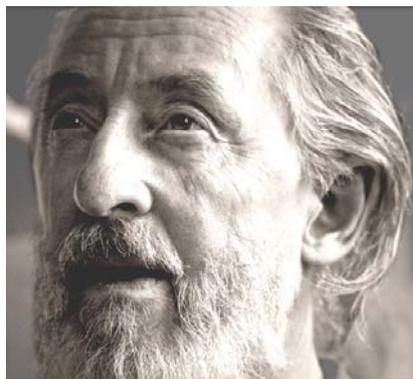
ДИТЯ ПРИРОДЫ

Возле речки,
Возле брода
Дни и ночи напролет
Родничок, дитя природы,
Колокольчиками бьет.

Перед ним, придя с покоса,
На коленях я стою:
Отдышусь и снова пью,
А душа все просит, просит.

Пью взахлеб я, с наслажденьем
И в созвучиях ключей
Слышу, чувствую биенье
Сердца Родины моей!

Владимир Завещевский
(г. Алексин)

ВОЛЬНЫЕ СОНЕТЫ

1

Поэзии нетленная строка,—
как исповедь, бывает, не легка:
то выглядит тяжелою подчас
и правдой метит — да не в бровь, а в глаз!

То вдруг бежит весенним ручейком
по камням-буквам, что стоят рядком,
и копит силы для пера поэта,
играя словом, как потоком света,

что льется к нам с заоблачных вершин.
Прекрасна осень в пламени рябин!
Поэзия, как эхо издалика,—
нас радует, звуча строкою Блока.

К столу поманит музой вдохновенной,
спасая нас от муки повседневной!

2

Спасая нас от муки повседневной,
любви большой не требуя взамен,
перо одарит темой злободневной
поэзия в эпоху перемен.

Эпоха перемен одних лишь губит,
бросая на пожарище страстей.
Иных она и балует, и любит,
их имена в колонках новостей.

Что жизнь? Игра! Как это нам знакомо!
Об этом счастье в картах говорит.
Все сказанное выше так весома!
Кто жаждет совершенства,— тот творит!

С восхода солнца до заката дня,
чтоб быть всегда хранителем огня!

3

Чтоб быть всегда хранителем огня,
и слушать песни в зыбкой колыбели,
работать будет время на меня,
закручивая в жгут тугой недели.

Мы, как всегда, у времени в долгу
и нам его порою не хватает.
Звук метронома — время наше тает.
Свои часы догнать я не могу.

Когда нальются зрелостью года,
приблизив к цели финишную ленту,—
откроются небесные врата,
и хор озвучит естество момента!

От колыбели будущим годам
я жизнь свою по капельке отдам!

4

Я жизнь свою по капельке отдам
любви, надежде, творчеству, познанию.
Друзья приходят в дом по вечерам,
а вдохновенье — самой синей ранью!

Очнусь от сна — «Зачем в такую рань,
спрошу, тревожишь вольного поэта?»,
ответит, кротко улыбнувшись,— «Встань!
С утра за дело — верная примета

того, что день начнется хорошо:
в согласье с музыкой, в творческом горенье,
и не гонись, как те, за барышом,
кто, как блины, печет стихотворения».

Я помню, бегал в детстве голышом,
раскрыв глаза на мир от удивленья.

5

Раскрыв глаза на мир от удивленья,
хочу и не могу я отделить
любовь и страсть, измены, увлеченья
от жгучего желания творить.

Для нас незримо времени течение.
Загадок много в таинстве миров.
Открыта дверь в иное измеренье.
Что он скрывал — мистический покров?

Прохладою пустующего зала
мне не согреть запястья ваших рук.
Перебираю клавиши устало,
а вместо звука — только сердца стук.

Святые лики в пламени свечей,—
таятся слезы в глубине очей.

6

Таятся слезы в глубине очей.
Подлунный мир — все тоже поле брани.
Кровавый серп на лезвии мечей.
Мишенью — сердце у последней грани.

Зарока путь ведет издалека,—
я пилигрим и, как фата-моргана,
далекий факел — свет от маяка,
поющий ветер — как труба органа.

Объяты сном неблизкие холмы,—
бунтарь ступил на берег океана.
Далекий свет от утренней звезды
из века в век слывет душой романа.

Безумец гордый, взбалмошный юнец —
путеводитель в глубину сердец,

7

Путеводитель в глубину сердец —
что ты за книга, кто тебя листает?
Супружник статный,— бывший молодец,
камелия, что о любви мечтает?

Прослыть повесой в мире мудрено,
коль ты рядишься в белые одежды.
Не уставая, вьет веретено
из тонкой пряжи чью-то нить надежды.

Пою осанну свету и любви.
Быть птицей вольной юноша мечтает.
Огонь в глазах, адреналин в крови
к любви готовность миру предвещает.

В земных пределах множатся нови,—
Прибежище соткал я из любви.

8

Прибежище соткал я из любви,
из радости, надежды и печали...

Призывно в небе журавли кричали
и мы венчались в «Храме-на-крови».

И ночь венчалась белая с зарей,
и млечный путь дробился на осколки,
и не тянуло нас идти домой,
где по углам таились недомолвки.

Напропалую жить хотелось нам,—
летать и петь, легко, по вдохновенью,
как легким и пушистым облакам
над нами плыть по ветра повеленью.

Моей любви к тебе предела нет.
Вот и восьмой закончился сонет.

9

Вот и восьмой закончился сонет.
Пора не в шутку браться за девятый.
Строка к строке, закончу — спору нет,
а там, глядишь, возьмусь и за десятый!

За дело принимаюсь сгоряча,—
надежда есть на творческие силы.
Пока горит во мне Его свеча,
не сохнут вечного пера чернила.

Писать сонеты — дерзкая мечта:
нет искушенья больше для поэта!
Но чтоб не докучала маята,
у нас в запасе винная диета.

Рука невольно тянется к винцу,
благое дело близится к концу!

10

Благое дело близится к концу.
Уже асфальт весь изрисован мелом,
и тень улыбки школьницам к лицу,
когда весна в своем убранстве белом

в наш город входит, как невеста в дом,
сметая на пути своем преграды.
Ее встречает гулом канонады
тот самый первый долгожданный гром.

Его раскаты падают на крыши,
предвестниками быстрых майских гроз.
Вся молодежь парка первым ливнем дышит,
сгустились краски в зелени берез.

Где первый гром, где первая сирень?
За дальней далью тот весенний день.

11

За дальней далью тот весенний день,
где мы сошлись, забывшись до рассвета.
Опять на солнце набегают тень,
опять раскаты грома слышу где-то.

Наш город по утрам невинно чист,
пронизанный балтийским ветрами.
Вот юноша — примерный гимназист,
наполненный премудрости дарами,

спешит из класса выскочить на двор
где всегда бывают перекуры,
где пацанам, затеяв разговор,
обронит кто-то про девчат — «Вот дуры!»

По юности беспутные года,
никто вас не забудет никогда!

12

Никто вас не забудет никогда,
не воскресит за давностью былого.
Неудержимые летят года,—
для каждого свой жребий уготован.

Который год большой раздор в стране.
Россия, не увязни на распутье!
Я письма шлю, звоню своей родне:
народ шумит, не далеко до смуты!

Униженный, подвыпивший с утра,
не скоморох (ему не до оваций),
но в нем еще пока дрожит струна,
не приведи Господь, ей оборваться.

А в книге судеб, все уж решено,—
к нам новый день врывается в окно.

13

К нам новый день врывается в окно
с извечной для себя неразберихой.
За кадром кадр — рождается кино,
Простой сюжет закручивая лихо!

Орchestra медь слышна издалека.
Людской поток плывет по Миллионной.

У режиссеров твердая рука,—
кумач цветет призывно над колонной.

С трибун навстречу речи без конца.
Один герой спешит сменить другого.
Победы жаждут! Царского венца!
За кадром голос: — «Снято стопудово!»

Я завершить сонет хочу словами:
Порою жизнь,— не мы, играет с нами.

14

Порою жизнь, не мы, играет с нами,
подталкивая к финишной прямой.
Но, не приемля сущности иной,
мы на могилах оставляем камни.

Своим друзьям, оплаканным давно,
кладем цветы на братские могилы.
Под ветром и дождем не суждено
им вновь поверить в собственные силы.

Замерзло эхо моих строк. Молчите!
Нет истины и там,— на дне бокала.
Я знаю, ты ее во мне искала.
О, женщина, богиня, Нефертити!

Бег красного коня — огонь пожара,
как солнце, раскаленное в зените!

15

Как солнце, раскаленное в зените,
сгорает сердце в пламени любви.
Надеюсь, что меня вы извините,—
я не принес вам клятвы на крови.

Спустилась ночь и зеркало луны
повисло над кровавым горизонтом.
Глаза ночными страхами полны,
стреножен конь души под звездным зонтом.

Так в чем мы обманулись? Где и как?
Я память ворошу на склоне лета.
Намек ищущий? Подсказку? Тайный знак
из пятой книги Ветхого завета?

В свидетели нам полночь позови,
Но только душу больше не трави.

Лариса Истомина
(г. Тула)

ДОРОГА — АБСТРАКТНОЕ СЛОВО

Лариса Борисовна Истомина родилась 10 сентября 1940 г. в г. Тула, по образованию — врач и юрист. Из 45 лет трудовой деятельности 30 лет посвятила себя педагогике и науке, доктор медицинских наук, профессор, автор более 200 научных трудов, Заслуженный работник высшей школы. Стихи начала писать в 33 года. Выпустила два сборника стихов: «Зеленая книга или Непричесанные стихи» (2000 г.) и «Лебединое озеро» (2005 г.). Оба сборника иллюстрированы собственными рисунками. Готовит к выпуску новый сборник.

Дорога — абстрактное слово,
В дороге все думы смелей.
Березовый край или кленовый,
Иль стайка подросших елей.

Кусты, разноцветные травы
По краю дороги стоят,
И дальние виды дубравы
Тропинкой лесною манят.

В простор окунуться душою,
Подумать о бренности лет,
Небесные дали раскроют,
Где алый занялся рассвет.

И если нам снова в дорогу
Дорогою жизни идти,
С собой заведи понемногу
Тепла, доброты и любви.

И память о людях хороших,
О друге, что рядом идет,
О дождике или пороше,
О птице, что песню поет.

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Как люблю я бессонные ночи,
Шорох листьев за милым окном.

В эти ночи мечтается очень
О грядущем и счастье былом.

А мечты, словно юности птицы,
Надо мною поют и летят,
Ведь такого во сне не приснится —
Целый ряд лебедей, лебедят.

Кто так строго детей опекает?
Кто сошьет оперенья наряд?
Только старшие лебеди знают.
Лебедяткам не надобен сад.

Им — просторы речные, озера,
Камыши, ну и водная даль,
Да уйти от беды и позора,
И чтоб не было жизни им жаль.

Пусть гортанная чудная песня
Над волною послышится вдруг,
А в груди станет сладко и тесно,
И счастливый очертится круг.

Меня многое тянет порою
К белым птицам любви — лебедям.
Я на озере домик построю,
И служить буду долго я вам.

Ведь, наверно, недаром в народе
Лебединым зовут верхний пруд.
Лебедей черной, белой породы
Собралось их немерено тут.

Нас волна вместе с вами качает,
Наступает любви моей день.
Ночь в своей тишине отступает,
И уходит ненужная тень.

Как люблю я бессонные ночи —
Время лучших раздумий и грез.
И смеяться душа моя хочет,
Жить счастливо без страха и слез.

Владимир Резцов
(г. Тула)

УЧИТЕЛЬСКАЯ ДОЛЯ

Памяти деда — Василия Ивановича Резцова

Дед учителем служил
В пору давнюю.
Сытно жил и не тужил
(Ну-ка, сравнивай!).

И ходил в мундире он,
Всем одаренный:
Не был лаской обделен
Государевой.

...Пронеслось немало лет
(Что ж, случается!).
Государя больше нет.
Все меняется.

Дед для внука — лучший друг.
В дружбе с логикой
Обручился юный внук
С педагогикой.

А потом — всю жизнь отдал
Малым детушкам,
Верным рыцарем их стал,
Как и дедушка.

...Стала бурою трава.
Власть сменилася.
И у внука голова
Убелилася.

Он теперь, как дед, такой:
Он портрет его.
И пора бы на покой,
Только нет его.

Где — «Учителю почет!»?!
Полно вздор молоть!
Погляди, как он живет:
Трудно, впроголодь.

Рассудил инако Бог:
Вместо пряника —
Дослужился педагог
До охранника.

Обустроилось *жулье*
Нынче здорово.
Охраняет внук жилие
Жирных боровов.

Похваляются они:
«Где вам, глупым-то?..»
Это внуки той свиньи,
Что под дубом-то!

Горе с Русскою Землей:
Как ни тужиться,
Не медведем, а свиньей
Дуб обрушится...

Как бы это возвернуть
Время оное,
Чтоб листвою мог потряхнуть
Дуб зеленою,

Чтобы снова, как могли
В годы прежние,
Побежали-потекли
Воды вешние?..

Будет стол, пожатые рук
И беседушка.
Скажет внуку новый внук:
«Милый дедушка!..»

Владимир Сапожников
(г. Тула)

РАЗВЕРНУВ ПРОСТОРЫ ВСЕЛЕННОЙ

*Памяти первого космонавта
Юрия Алексеевича Гагарина*

Разверзнув просторы Вселенной,
Взорвав, надломив высоту,
Он вырвался в космос мгновенно,
Он первым узрел красоту
Планеты родной и далекой...
Не дрогнул, когда отказал
Металл от нагрузки высокой —
Вручную корабль приземлял!
Родился в смоленской деревне,
В войну знал фашистов живьем...
Он был из того поколения,
Которого уж не вернем...
И ахнул весь мир в изумленьи,
Увидев в улыбке азарт!
Гагарин — космический гений,
Позвавший Россию на старт!
Промчатся года и столетья...
Другие уносятся в даль...
Но помним триумфа мгновенья,
И скорой потери печаль...

* * *

Хлынуло бабье лето
Сполохом жухлой травы,
Очарованьем света,
Шелестом желтой листвы,
Этой твоей улыбкой
С пеплом костра в глазах,
Радостью и печалью
В ласковых тех словах,
Что прозвучали тихо,
С нежных скользнули губ...
Над золотой березкой
Грустно склонился дуб...

* * *

Поезд, получается, ушел...
Одиноким ступню на перроне...
Ты умчалась в грохоте колес
В том далеком от меня вагоне...

Догоню!!! Машину завожу,
Мчусь вослед по трассе, нарушая...
Жму на газ — любого обгоню,
Вдруг, успею... Милая, родная...

* * *

Соединилось семя с яйцеклеткой —
И получился новый человек...
Каким он будет? Да никто не знает —
И даже те, кто мыслит лучше всех...

Что вырастет из этого союза?
Ученый или полный примитив?
Не угадаешь... Просто, как на счастье
На берег жемчуг вынесет прилив.

А может — это будущий убийца?!
Или художник, близкий к божеству...
Как ляжет карта... И мелькают лица
Что звезды небосвода к Рождеству...

ГРЕЗЫ ДЕТСТВА

Серебрится синь заснеженного леса,
И дорога тайной вглубь заманит нас...
Сумерки нежданно не имеют веса,
И одна минута тянется, как час...

И храпит лошадка под дугой устало,
Сбить с копыт пытаюсь затвердевший снег...
И скрипят полозья санок неустанно,
Мы куда-то едим, далеко от всех!

И лежим в соломе, где тепло и сонно,
Власть вдыхаем воздух чистый, как мороз,
Растворясь в пространстве русском и огромном,
В дивной зимней сказке наших детских грез...

* * *

Рецептов жизни не бывает...
Судьба — как отблеск на стекле
Того светила, что встречает
Нас каждым утром на Земле...

И мы не знаем, что случится
С любым из нас... И каждый миг
В стекла осколки разлетится
Или сорвется в чей-то крик!

Или застынет, как проклятье,
На сотни или больше лет...
Давайте вспомним — все мы братья!
И... сестры — и на много лет!

Александр Хадарцев
(г. Тула)

НЕ ТО!

Я многого не досказал
о том, что невзначай увидел.
Не с тем дружил. Не то искал.
Не так шутил. Не тех обидел.

И сам я, вроде бы не тот,
каким меня узреть хотели.
Блуждал в предчувствии высот,
но не достиг неясной цели.

Притягивала цель-магнит,
но тут — случайность, там — случайность...
Дорога-вектор вкривь пылит,
и, вместо цели, обычайность...

Все, как всегда! Ну, не совсем,
а где-то в новом измеренье,
в котором стало ясно всем,
что это — просто отраженье.

Как будто в зеркале кривом
искажена структура цели!
Я, как система, не при чем!
Но будущее — на прицеле!

ПИТЬ ИЛЬ НЕ ПИТЬ?

Любить хмельное? Ерунда!
Но почему, скажи на милость,
вдруг наступает иногда
души прекрасная «текильность»?
То колдовской «коньячит» свет?
То, вдруг, в висках «вискокруженье»?
То водки ледяной совет?

То пива пенного брожение?
То, вдруг, неожиданностью полно,
сухое терпкое вино?
Пускай меня за тыщи лье
французский слышит сомелье!
Скажу ему: «Пардон, старик!
Я нюхать пробки не привык!
Ведь в выпивке друзей участие
простое нам приносит счастье!»
Пусть говорят: «Хмельное — вред!
Циррозит печень и мышление...»
От стрессов средства лучше — нет!
Оно нам дарит вдохновение!
И то, что я сейчас не пью —
уступка хилому здоровью.
Потом — стакан ему налью,
хоть без закуски, но с любовью!
Ведь даже, если воду пить,
то меру — соблюдать пристало!
И без хмельного можно жить!
Но как-то вдруг скучнее стало!

НЕУЧ

Я себя ученым не считаю!
Даже проникая в суть вещей —
спотыкаюсь, мучаюсь, страдаю,
и «ташусь» от щавелевых щей!
А решать: «Науки — не науки...»
оставляю тем, кто в них погряз!
Авторучки, автоматоруки —
пусть напишут правильно про нас!
Что, мол, были! Значит, ели, пили:
воду, водку, соки, кислый квас.
Хвастались, прощали и любили,
не сгибаясь в самый трудный час!
Многое чего мы написали,
мир фрактальный думая понять!
Правда, ненадежные скрижали
память нам сумела завещать!
Но и все же — жили вдохновенно:
ошибаясь, веря и трудясь!
Вытащив из хаоса мгновенья —
Чистоту не втапывали в грязь!
А само понятие — ученость —
Есть ученье сути бытия.
Познавая жизненнокрученность,
Неучем считаю я себя!

СОН

В небе, луной закопченном,
звездный колышется рой...
Строгая женщина в черном
ночью приходит за мной.

Двери она открывает
в сон, не придуманный мой...
С плеч покрывало срывает,
в темень уйдя с головой...

Каркнула где-то ворона...
Филин, рыдая, вздохнул...
Струны надежды затронул
города дальнего гул...

В пламени свеч закипела
времени злая струя...
Вот уже — женщина в белом,
словно удача моя!

Ветер взвевает прохладу,
солнечный лечит ожог...
Милая! Что тебе надо
в этом пространстве тревог?

Мысли — то в черном, то в белом,
то — наяву, то — во сне...
Мысли — не словом, а делом —
ночью приходят ко мне...

Овеществляя былое,
завтрашний строю рассвет!
В том, что не будет покоя,
даже сомнения — нет!

В небе, луной закопченном,
дрогнула звездность струны.
Женщина в белом... и черном —
символ грядущей весны!

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ВETERАНЫ ВОЙНЫ

Век сменился, и уже года
Заставляют чаще и упорней
Принимать лекарства иногда,
По ночам не спать в тиши безмолвной.

Много минуло с военной той поры
Мирных непростых десятилетий.
Вот уже и внуки подросли,
Незаметно постарели дети.

Все же, сколько лет бы ни прошло,
Память их хранит, как кинолента
Кадр за кадром жизни на войне
С самого начала в сорок первом, летом.

Как совсем безусые юнцы
Против танков шли открытой грудью,
Как простые русские бойцы
За победу отдавали свои судьбы.

И победа все-таки пришла.
Не было в тот день известия прекраснее на свете.
И весной сирень для них цвела,
Родовались жены их и дети.

Как безжалостны песочные часы,
Время мчит вперед неумолимо.
Как сверкают капли утренней росы
На рассвете вами заработанного мира.

Но на встречу Праздника Победы
С каждым годом меньше вас приходит.
Наши дорогие и прославленные деды,
Подождите, с вами ведь от нас история уходит.

А сегодня вновь они шагают по стране,
На мундирах ярко светят звезды.
Расспросите, люди, ветеранов о войне,
Расспросите, ведь еще не поздно...

ВСПОМИНАЙТЕ ЛЮБИМЫХ

Не теряйте любимых,
В вашем сердце пускай остаются они.
Не прощайтесь с любимыми,
Говорите им только: «До встречи!»
Вспоминайте любимых, когда вы в разлуке одни,
Летним утром и в зимний неласковый вечер.
Отдавайте себя им, взамен не беря ничего,
Подарите им счастье и нежность свою подарите.
Все прощайте, ведь любовь ваша выше всего,
А о том, что вы любите — вслух говорите.
Вспоминайте любимых!
Они рядом всегда — в ваших мыслях, душе,
В вашем любящем сердце.
И тогда лишь, поверьте, километры, года
Вмиг не станут преградой, чтоб нам с ними встретиться.

* * *

Глоток весны... Так хочется его!
Он где-то задержался по дороге.
И с холодом покончено давно,
Ведь у зимы закончились все сроки.

И дни длиннее стали, свет даря.
И душам не дано бродить в потемках.
Они не существуют, не любя,
И разбиваются на мелкие осколки.

Всем нам немного света, хоть чуть-чуть,
Так не хватает после зимней стужи.
Планета снова к солнцу держит путь,
Чтоб воскресить израненные души...

